

Пожилков Игорь Евгеньевич

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЧЖУ ДЭ И МАО ЦЗЭДУНОМ 1928-1929 ГГ.

На протяжении более полутора лет после встречи Чжу Дэ и Мао Цзэдуна в Цзинганшане в 4-м корпусе китайской Красной армии за фасадом ощутимых достижений в становлении очагов советской власти в стране тлел, периодически приобретая вполне откровенную форму, острый конфликт между двумя лидерами. В основе "трений" лежали причины разного свойства - политические, военные и личностные. Переплетаясь меж собой, они отражали тем не менее одно важнейшее противоречие, заключавшееся в очень разных подходах командира и комиссара к принципам партийного руководства войсками, стратегии и тактики борьбы, наконец, к демократии, приверженцем которой Чжу Дэ оставался всегда.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 124-129. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Бернштам Т. А. Поморы: формирование группы и система хозяйства. Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1978. 176 с.
2. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX - начале XX в.: этногр. очерки. Л.: Наука (Ленингр. отд-е), 1983. 233 с.
3. Гумилев Л. Н. От Руси до России: очерки этнической истории. СПб.: ИД «Кристалл», 2002. 352 с.
4. Злотникова Т. С. Человек. Хронотоп. Культура. Ярославль: Александр Рутман, 2003. 172 с.
5. Калущков В. Н. Ландшафтная концепция в культурной географии: автореф. дисс. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. 49 с.
6. Камкин А. В. Союзы севернорусских крестьянских миров в системе расселения и жизненной повседневности XVII-XVIII вв. // Мировоззрение и культура севернорусского населения / ред. Т. И. Власова. М.: Наука, 2006. С. 233-243.
7. Лихачёв Д. Русский Север как памятник отечественной и мировой культуры / Д. Лихачёв, В. Янин // Коммунист. 1986. № 1. С. 115-119.
8. Лихачев Д. С. Великое наследие // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3-х т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 2. С. 3-342.
9. Пермиловская А. Б. Русский Север как особая территория наследия. Архангельск-Екатеринбург: Правда Севера; УрО РАН, 2010. 552 с.
10. Русский Север: ареалы и культурные традиции / ред.-сост. Т. А. Бернштам, К. В. Чистов. СПб.: Наука (С.-Петерб. отд-е), 1992. 272 с.
11. Соловьева А. Н. Этничность и культура: проблемы дискурс-анализа. Архангельск: Кира, 2009. 231 с.
12. Терехин Н. М. Сакральная география Русского Севера: религ.-мифол. пространство севернорус. культуры. Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1993. 223 с.
13. Чекалов А. К. Народная деревянная скульптура Русского Севера. М.: Искусство, 1974. 191 с.
14. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор. Л.: Наука, 1986. 384 с.
15. Чистов К. В. Проблемы этнографического и фольклорного изучения Северо-запада СССР // Этнографические исследования Северо-запада СССР: традиции и культура сельского поселения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 5-10.

RUSSIAN NORTH IN CULTURE SPACE

Anna Borisovna Permilovskaya, Ph. D. in Culturology
 Laboratory of Protected Natural Territories and Culture Ecology
 Institute of Ecological Problems of North
 Ural Branch of Russian Academy of Sciences
 annaperm@atnet.ru

The article is devoted to the cultural concept "Russian North". For about two centuries this set expression for a Russian mentality bearer has been the notion reflecting the senses important for native culture. Russian North played an important role in the formation of national self-consciousness and has one of the most important places on the cultural map of Russia. As a special region of Russian cultural heritage it is as important as other unique phenomena of national and world culture.

Key words and phrases: Russian North; culture; cultural landscape; heritage.

УДК 93/94

На протяжении более полутора лет после встречи Чжу Дэ и Мао Цзэдуна в Цзинганиане в 4-м корпусе китайской Красной армии за фасадом ощутимых достижений в становлении очагов советской власти в стране тлея, периодически приобретаемая вполне откровенную форму, острый конфликт между двумя лидерами. В основе «трений» лежали причины разного свойства - политические, военные и личностные. Переплетаясь меж собой, они отражали тем не менее одно важнейшее противоречие, заключавшееся в очень разных подходах командира и комиссара к принципам партийного руководства войсками, стратегии и тактики борьбы, наконец, к демократии, приверженцем которой Чжу Дэ оставался всегда.

Ключевые слова и фразы: Красная армия Китая; 4-й корпус; военное командование; партийное руководство; Чжу Дэ; Мао Цзэдун.

Игорь Евгеньевич Пожилов, к.и.н.

Кафедра всеобщей истории

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

rozhilov1@yandex.ru

КОНФЛИКТ МЕЖДУ ЧЖУ ДЭ И МАО ЦЗЭДУНОМ 1928-1929 ГГ. ©

В современной официальной историографии КНР, не говоря уже о связанной с Сянганом «неформальной школе», в последнее десятилетие сделано немало для восстановления подлинной персональной истории КПК. Что касается отечественной китаистики, то не будет большим преувеличением сказать, что она

по-прежнему остается в сомнительных координатах тридцатилетней давности, установленных реформаторским руководством еще дэнсяопиновского призыва.

Сегодня в Китае читающая публика (в отличие от иных российских синологов) осведомлена хотя бы о том, что правящая партия обрела полновластного Председателя лишь в начале 1950-х гг. В течение предшествующих двадцати лет вооруженной борьбой коммунистов руководили «два великих вождя» - Чжу Дэ и Мао Цзэдун. «Чжу-Мао» - так и только так называли этот дуумвират в КПК, НОАК и народе. Ровно столько же времени потребовалось Кормчему, чтобы вытеснить имя выдающегося полководца, политика и теоретика в ряд с Чжоу Эньлаем, Лю Шаоци и Дэн Сяопином, которые при всех своих заслугах и дарованиях были способны мобилизовать и повести за собой разве что армию партийно-хозяйственной номенклатуры.

В битву за всевластие Мао включился с первых же дней знакомства с военачальником.

В Цзинганшань в мае 1928 г. Чжу Дэ пришел с опытом восстания в южной Хунани, самого масштабного на тот период выступления под руководством КПК. Под его командованием находилось полнокровное войсковое соединение - 4-й корпус Рабоче-крестьянской революционной армии, сформированный, что следует подчеркнуть, до «исторической встречи вождей», а не после, как принято считать. Известность Чжу Дэ в Южном и Центральном Китае была без преувеличения легендарной. Испушенные в знании европейской истории «попросту» именовали его «красным Бонапартом» [1, с. 208-209].

Мао Цзэдуна рекомендовать необходимости нет. Участник I съезда КПК, член ЦК, «крестьянский вождь» и т.п. - об этом в партии знали все. Полный провал восстания в восточной Хунани, которое он возглавлял, преувеличивать не стоит. Оно, как и все прочие путчи осени 1927 г., предпринятые КПК по указке Коминтерна, было не ко времени и не к месту. Важнее другое: Мао совершенно не разбирался в военном деле. В условиях же бесконечных вооруженных столкновений между политическими группировками в стране, какими бы знаменами они ни размахивали, это ставило его в крайне незавидное положение.

Соединение сил в Цзингане произошло в тот период, когда руководство партии по преимуществу оставалось приверженным взгляду на массовую борьбу как главную составляющую революционного процесса в стране, а на военный фактор - как вторичный. Мао Цзэдун и Чжу Дэ смотрели на вещи иначе, полагая, что крестьянская революция не может снести устои старого мира, а любое лишнее вооруженной поддержки и опорной территориальной базы восстание не имеет ни малейшего шанса на успех [9, с. 393].

Мао Цзэдуна, как известно, за расхождения с официальной линией и по другим причинам в Шанхае, мягко говоря, не жаловали. С приходом Чжу Дэ появилась возможность как минимум восстановить былые статус и влияние, как максимум - перестать оглядываться на «кабинетных стратегов» из ЦК. Его планы в целом оказались вполне осуществимы, однако же такой высокой цены, которую за это пришлось заплатить, он не ожидал. Есть достаточные основания полагать, что их встреча, вопреки канону, вряд ли бы вообще состоялась, имей они загодя лучшее представление о личных качествах друг друга [1, с. 214].

Солидарность Чжу Дэ с Мао по краеугольной проблеме, к сожалению (или нет), не предполагала единства в других вопросах, например, в тактике борьбы или партийном строительстве в войсках. Да и характер у бывшего генерала был не таким уж покладистым, как рисовали.

Мао Цзэдун утверждал: «Цзинганшань - хорошая опорная база и ее надо укреплять. Развивать революционную борьбу следует волнообразно: пришел враг - концентрируем силы, враг ушел - рассредоточиваем силы и поднимаем массы» [3, с. 35].

Чжу Дэ возражал, считая, что Красная армия должна находиться в постоянном движении и «вести широкомасштабную партизанскую войну» с целью «активизации крестьянства и разгрома отдельных воинских частей противника», а также «отыскания других благоприятных территорий» для создания советских анклавов. На профессиональный взгляд командира, база, если даже согласиться с формулой Мао, имела один, но фатальный недостаток, заключавшийся в том, что она представляла собой «узкий и протяженный район, зажатый с западного и восточного флангов двумя речными преградами, развитие которого в северном и в южном направлениях также невозможно» из-за того, что горы Цзинган являлись срединной частью хребта Лосяошань [Там же, с. 35-36].

Цзинганшань действительно не обладала достаточной операционной емкостью для развертывания крупных формирований и мало годилась в связи с этим на роль основного района базирования Красной армии. Кроме того, она не была в состоянии обеспечить продовольствием значительный гарнизон [5, л. 3].

Чжу Дэ не мог не учитывать этого и, главное, как любой военачальник предпочитал обороне наступление. Таким образом, его позиция стала идти вразрез с «медленным развитием вширь», за что ратовал Мао Цзэдун. Неуступчивость Чжу Дэ поначалу комиссара раздражала, затем стала выводить из себя. Пришлось вынести ему приговор: «Проводник партизанщины и разбойной вольницы». Чжу Дэ в свою очередь обозвал комиссара «оборонцем и капитулянтом» [4, л. 165-166, 169].

Камнем преткновения, в значительной степени мешавшим установлению нормальных отношений между Чжу Дэ и Мао Цзэдуном в начале их совместной борьбы, был (и всегда оставался) деспотический стиль руководства последнего. Мао стремился сосредоточить в своих руках абсолютную власть и в корпусе, и в районе, а в ведении Чжу Дэ оставил только военно-оперативную работу, причем которую тот должен был вести, предварительно согласовывая с ним все свои намерения [1, с. 212-213]. Китайские историки, однако, избегают признавать очевидное, утверждая, что в основе разногласий между ними лежали «некоторые отличия во взглядах на принципы партийного и военного строительства». Прямо обвинить «великого боевого соратника» Мао в непонимании главного из этих принципов - безусловного и всеохватывающего руководства партией вооруженными силами (что, собственно, и должно следовать согласно формальной логике) не

хватает духа и оснований, а создать некую завесу из недомолвок и лишенных семантики лексических конструкций вокруг «споров в 4-м корпусе» - прием беспроектный.

Вместе с тем историография КНР, как уже выше отмечалось, в последние годы пополнилась рядом публикаций, которые, оставаясь в целом в прежней оценочной системе, привнесли в подачу темы ряд новых, ранее неизвестных сюжетов и фактов. Наряду с уже давно введенными в научный оборот источниками и мало востребованными материалами из архивов ИККИ они позволяют относительно точно восстановить суть и частности возникшего между двумя «народными вождями» конфликта сразу после встречи в Цзинганшане. Рассматриваемый сюжет видится отнюдь не частным: несмотря на относительную скоротечность и локальность, он вполне мог иметь кардинально иные последствия, нежели те, что стали исторической реальностью.

Долгое время единственным участником событий, привлечшим к себе внимание воспоминаниями о «сваре близких соратников», являлся Гун Чу, занимавший тогда должность командира 29-го полка, а позднее перешедший на сторону Гоминьдана. Чжу Дэ, Мао Цзэдун, Чэнь И и другие командиры и партработники, хотя и констатировали наличие «разногласий» в армии Чжу-Мао» (скрыть их не представлялось возможным - о них знала вся китайская Красная армия), но приблизиться к их существу по понятным причинам не считали возможным. Мемуары «предателя» Гун Чу, таким образом, «законно» получили резкую отповедь в историографии КНР, а в отечественной литературе их хотя и упоминали, но со стеснением и исключительно в примечаниях. Между тем автор был неплохо осведомлен о сложившейся в корпусной верхушке ситуации. Да, воспоминания Гун Чу недостаточно раскрывают конкретные позиции и взгляды, которые отстаивали Чжу Дэ и Мао Цзэдун, но то, что положение в самом знаменитом вооруженном формировании КПК было совершенно нетерпимым, показывают как нельзя лучше.

«Фронтовой комитет, - сообщает Гун Чу, - начиная с мая 1928 г. заседаний не проводил. [Мао] решал все вопросы единолично от имени партийного комитета корпуса и особого комитета пограничного района. Только военные вопросы обсуждал с Чжу Дэ и Чэнь И... Я как-то поговорил с Чжу Дэ. Он сказал, что Мао Цзэдун с нами не ладит. Предварительно вопросы не обсуждает, извещает тогда, когда надо уже действовать. Поэтому времени у меня на обдумывание не бывает. Информация с мест проходит предварительно через него, что также не очень удобно. [У него] диктаторский стиль руководства. Я спросил: а как же Чэнь И? Ведь он руководит армейским комитетом. Неужели и он не участвует в решении вопросов? Чжу Дэ ответил, что он порой тоже не ведает, что происходит» [2, с. 100].

Главной причиной трений между Чжу Дэ и Мао Цзэдуном, на взгляд Гун Чу, была «несовместимость их характеров». «Чужих мнений Мао Цзэдун не воспринимал, - поясняет он. - Чжу Дэ, напротив, исповедовал демократический стиль, проблемы обсуждал с людьми, а затем принимал меры, исходя из общего решения. Мао Цзэдун никогда не был искренним, всегда ходил вокруг да около. Главным у него было добиться своей цели. В противоположность ему Чжу Дэ был открыт и прям. Поэтому им тяжело было прийти к согласию» [Там же, с. 101-102].

Нельзя сказать, что в описании Гун Чу облик Мао вызывает полное отторжение. Таланты комиссара, на его взгляд, в целом превалировали в нем как руководителе и ценились всеми, в том числе Чжу Дэ. «Им многие восхищались, - отмечает мемуарист. - ...Его достоинства - светлая голова, доходчивые объяснения... Он имел талант руководителя... К сожалению, с ним трудно было поддерживать отношения. Поэтому я питал к нему уважение, но старался держаться подальше». У Чжу Дэ возможности сторониться Мао не было. Ему, как отмечает Гун Чу, приходилось искать компромиссы, что далеко не всегда удавалось «из-за упрямства самолюбивого хунаньца» [Там же, с. 102].

Неоднократным подчеркиванием (вероятно, в силу незнания некоторых обстоятельств), в частности, постоянной готовности командира идти навстречу комиссару Гун Чу, к сожалению, несколько утрачивает настрой на объективность. Между тем, как свидетельствуют другие документы, командир сам в незначительной степени «провоцировал конфликт» с комиссаром.

Чжу Дэ не был, как его обычно преподносят, мягким и застенчивым малым, из которого веревки вяют. Представляется спорным и утверждение о том, что «он был напрочь лишен политических амбиций». Генеральские погоны в послесиньхайское время достались ему в жесткой, а точнее, жестокой борьбе за выживание и доминирование. Намерений верховодить в политике, правда, он не вынашивал, но и склонять голову перед кем бы то ни было не привык. То, к чему Чжу стремился тогда во взаимоотношениях с Мао, как утверждается в некоторых источниках, было «равноправное партнерство». Есть, правда, и другие свидетельства, согласно которым власть в корпусе командир делить ни с кем не собирался. «Мне нужен всего лишь авторитетный политработник, - говорил он по прибытии в Цзинганшань, - а в прочих делах я уж как-нибудь сам разберусь» [5, л. 6].

Поскольку Мао не мог смириться с таким небрежением в отношении «основателя КПК», каковым он себя считал, и всеми способами старался утвердить свое верховенство, Чжу Дэ пришлось перейти к наступательной тактике. Одним из средств сдерживания амбиций комиссара становится корпусной партком (армейский комитет) во главе с преданным ему Чэнь И, который командир нарочито стал расхваливать как «орган подлинно партийного руководства войсками». «Фронтовой комитет, - неоднократно заявлял Чжу Дэ в этой связи, - излишняя организация» [Там же, л. 7]. Мао сдаваться не собирался, и потому «трения между ними приобрели большую остроту, каждая из сторон всячески старается выйти победителем из конфликта». Вокруг обоих лидеров быстро сложились две враждующие фракции - «армейцы» и «партийцы». Причем командир апеллировал к личному составу в поиске поддержки гораздо активнее, ибо пользовался у него куда как большим авторитетом и уважением, чем недоступный серой солдатской массе оппонент. «...Оба, и особенно первый [Чжу Дэ], - читаем донесение в ЦК КПК, - ведут фракционную работу». В ответ на критику Чжу Дэ твердил: «Ничего не знаю. Во всем виноват представитель партии Мао Цзэдун» [Там же, л. 5].

Конфликт в корпусе несколько подмочил репутацию Чжу Дэ в глазах ЦК и, разумеется, ИККИ, куда в копиях поступали отчеты о состоянии дел на местах. В них он характеризовался примерно так: «...Весьма активен, тесно связан с массами и лоялен по отношению к партии. Его отрицательные качества: склонность к преувеличению, непрактичность, политическая неустойчивость. Кроме того, он часто допускает (чьей-то рукой в тексте зачеркнуто слово «очень» - *И. П.*) грубые политические ошибки». Что касается Мао Цзэдуна, то «по части политики» к нему претензий не высказывается, и характеризуется он в целом положительно. Его «отрицательными сторонами» являются «отсутствие популярности в массах и маневрирование в партии». Предложения по оргвыводам для ЦК прописывались такие: заменить обоих, а если нет возможности, то «хотя бы убрать Мао Цзедуна». «Чжу и Мао надо послать в разные места, чтобы они не могли соприкасаться в работе», - советовал центру информатор [Там же, л. 8].

Очень любопытно, как бы все повернулось, прими ЦК соответствующее решение? Ясно как минимум одно: претендовать на роль народного вождя и не иметь «популярности в массах» - с такими исходными данными Мао Цзэдуна, не будь рядом Чжу Дэ, оставалось бы действительно только «маневрировать», обрекая себя на второстепенные роли. Пока же тот оставался на месте, перспективы сохранялись. Надо было обеими руками держаться за командира, учиться у него полководческому ремеслу и неотступно проводить мысль о том, что большая политика ему не по плечу. Параллельно Мао писал в ЦК письма, в которых, скажем так, нелестным образом отзывался о своем командире. Хотя в нашем распоряжении таких документов нет, но факт их существования сомнению не подлежит [1, с. 221]. В результате игра, в сущности, шла в одни ворота.

К январю 1929 г. цзинганшаньская база исчерпала ресурс развития. Противник взял ее в плотную блокаду. Чжу Дэ был прав, изначально призывая выходить на оперативный простор. Мао Цзэдуна оставался при своем мнении. На расширенном заседании фронткома, решавшем судьбу советского района, тем не менее высказываться никто не решался: «выступишь на стороне командира - подвергнешься нападкам комиссара, поддержишь комиссара - не миновать критики командира». Так бы и сидели, не возьми инициативу в свои руки Чэнь И. Несмотря на то, что он считал Чжу Дэ и Мао Цзэдуна людьми «неспособными работать в одной упряжке», пришлось спастись положением.

Назвав Цзинганшань «идеальной вспомогательной базой» и тем самым хоть как-то потешив самолюбие сидельца-комиссара, он предложил оставить в районе часть сил во главе с Пэн Дэхуаем, а основные формирования двинуть в южную Цзянси и там действовать по обстановке. Абсолютное большинство проголосовало «за»: никто не хотел погибать ради прихоти одного [3, с. 35-36].

Гоминьдановские части два с половиной месяца шли по пятам корпуса до границы с Гуандуном. Преследование проходило в тяжелейших условиях зимних холодов, голода и огромных потерь. Позднее, в конце марта, Мао с нескрываемым злорадством напишет в ЦК: «По пути нигде нет ни партии, ни масс... Самый трудный период для нашей армии» [Там же, с. 37].

Вновь встал вопрос о дальнейших действиях. И снова комиссар оказался в меньшинстве: его сторонники и противники требовали разделить корпус на «две самостоятельные маневренные группы» под общим руководством Чжу Дэ и Мао Цзэдуна соответственно. Чтобы не допустить такого поворота, Мао на этот раз обратился к положенному под сукно прошлогоднему решению ЦК (от ноября 1928 г.) о назначении Чжу Дэ секретарем армейского парткома, что означало его отстранение от командирских обязанностей (должность считалась «освобожденной»). В созыве расширенного фронткома, чего добивались инициаторы раздела, и страшился Мао, необходимость отпадала [Там же, с. 38]. Случись иначе, решение о ликвидации 4-го корпуса как единого войскового соединения было бы принято единогласно.

На первый взгляд, изысканный ход позволил Мао сосредоточить в своих руках всю полноту власти в соединении, отгеснить на вторые роли и Чжу Дэ, и Чэнь И. Но на самом деле все обстояло иначе: даже первая за время отступления из Цзингана крупная победа над противником в феврале, одержанная под его личным началом, не упрочила положения победителя. «Фракция» Чжу Дэ открыто выражала недовольство «диктатурой секретаря». Атмосфера резко накалилась из-за полученной бумаги Центра с указанием обоим начальникам «оставить войска и прибыть в ЦК» [6, с. 35].

В начале июня 1929 г. Чжу Дэ, Чэнь И и доставивший шанхайскую директиву инспектор ЦК Лю Аньгун (земляк командира и кадровый военный) заставили-таки Мао «добровольно» написать заявление об отставке. В заявлении говорилось: «В обстановке разделения полномочий между фронткомом и армейским комитетом (Лю Аньгун своей властью вынес запрет на вмешательство Мао в военные вопросы - *И. П.*) фронтком больше не в состоянии должным образом организовать работу, притом что по-прежнему несет за это ответственность... Прошу немедленно освободить [меня] от должности секретаря и позволить уехать в Советский Союз на учебу и отдых» [3, с. 40]. Просьбу с радостью удовлетворили. И.о. секретаря фронткома был утвержден Чэнь И.

Характерно, что взаимная неприязнь Чжу и Мао к тому времени набрала такой пылающий градус, что отныне оба использовали в нападениях друг на друга исключительно заочную форму диалога, посредством т.н. писем в адрес Линь Бяо [7, с. 21-22]. Письма никогда прежде не публиковались и даже сегодня представлены фрагментарно.

Самые значимые требования Мао Цзэдуна сводились к следующему: «абсолютное партийное руководство, сфера которого ничем не может быть ограничена»; «ни один патрон не может быть использован без разрешения партии»; «политический руководитель заведует командиром». Ответы Чжу Дэ стоит привести подробнее (с аргументами Председателя, пусть и в сильно отлакированном виде, можно ознакомиться в любом собрании его сочинений, а возражения командира долгое время оставались тайной). ««Партия заведует всем,» - писал Чжу Дэ, - такого высшего принципа в коммунизме на самом деле нет... Все, что выдвигает коммунизм, - это

диктатура пролетариата, компартия есть его генеральный штаб, [она] играет центральную роль в заведовании всем через различные органы пролетарских организаций, те же советы. Если в реальности осуществлять этот лозунг («партия заведует всем»), партия неминуемо отойдет от масс...». Чжу Дэ ставит вопрос таким образом, чтобы в армии «военные органы играли центральную роль под руководством партии». «Линия военного управления, - продолжает командир, - определяется политикой партии, ее линия управления заключается в разрешении вопросов ответственности. Члены партии, играя в этих [военных] органах определяющую роль, сознательно несут перед партией ответственность, а не механически выполняют [ее решения]... Если указанные органы не выполняют такой роли, это будет уроном для партии... Ответственный за военную работу коммунист должен играть ключевую роль, а не от имени офицеров бороться за свободы и делить власть с партией. Даже если партия еще всем не заведует, то это не значит, что всем должен заведовать секретарь». Наибольший протест, как следует из писем Чжу Дэ, у него вызывало «сосредоточение полномочий не во фронтоме, а в руках его секретаря», иными словами, «патриархат сверху вниз». Такому положению, считает он, надо противопоставить «демократический централизм снизу вверх» [3, с. 42-43].

Воздержимся от заключений, лучше приведем слова Чэнь И, сказанные им Чжоу Эньлаю в сентябре 1929 г. в Шанхае: «Большинство, сравнивая его [Мао] и командира корпуса Чжу, конечно, отдает свои симпатии Чжу Дэ» [Там же, с. 51]. Интеллектуальное убожество речений будущего вождя КПК, не говоря уже о вульгарной жажде власти, как видно, отторгалось даже полуграмотными солдатами. Тезисы Чжу Дэ, напротив, выдержаны в лучших традициях известного дискурса. При всем при том, однако, не они были истиной. Ею владел Мао, понимавший в отличие от командира, по наивности записавшегося в коммунисты в поисках демократии, что партия действительно ничего не будет стоить, если не возьмет под свой контроль не только каждый патрон, но даже стреляную гильзу от него.

Одним из витков в нагнетании напряженности в корпусе стала 7-я партийная конференция, прошедшая 22 июня 1929 г. Главным пунктом ее повестки было «решение внутрипартийных споров».

«Атмосфера на 7-й партконференции была накалена до предела, - вспоминает ее участник. - Царил дух абсолютной демократии, что хочешь, то и говори...» [Там же, с. 41]. Делегаты подвергли разгромной критике Мао Цзэдуна, а заодно и Чжу Дэ. Многочасовая перепалка закончилась ничем, и за работу взялся Чэнь И, которому предстояло подготовить проект резолюции.

«Гибкий» Чэнь не стал в нем упоминать о выпадах против комиссара с обвинениями в «диктаторстве, чрезмерном сосредоточении власти», «игнорировании ЦК», «подмене низовых парторганов» и т.д. Одновременно не была принята во внимание и критика в адрес командира («выступает против опорных баз», «привержен партизанщине», «сохраняет милитаристские наклонности»). В резолюции подверглись осуждению только частные ошибки обоих лидеров, причем в строго адекватной мере. Тем не менее в связи с тем, что «Мао являлся партпредставителем и секретарем», его ответственность признана «большей», и потому ему объявлялось «строгое предупреждение», Чжу Дэ - «предупреждение с занесением» [7, с. 22].

Обескураженный очередным поражением, Мао вновь покинул войска «по болезни» и «после конференции не стал подчиняться ее решениям», выработанным с учетом высказанных им же накануне «мирных предложений» (каковыми конкретно они являлись, остается неизвестным) [5, л. 7-8].

Сразу после конференции ЦК КПК сообщил о проведении в Шанхае совещания по военным вопросам. В командировку отправился Чэнь И. Перед отъездом Чжу Дэ имел с ним разговор: решили, что по пути тот заедет к Мао Цзэдуну и попытается убедить его в необходимости выработать «какую-то согласованную позицию» для отчета в Центре. Чэнь И зря потерял время. «Расскажи все как есть, - в сердцах бросил Мао, - пусть там решают... Но покуда ты не покончишь с соглашательством и примиренчеством, ничего путного все равно не выйдет» [7, с. 22].

Чэнь И в Шанхае в устной и письменной форме подробно описал ситуацию в корпусе, отдельный доклад - по указанию Чжоу Эньлая - посвятил «вопросу о разногласиях между Чжу и Мао». В докладе Чэнь И, охарактеризовав партпредставителя как «политически сильного» руководителя, дал не очень высокую оценку его личным качествам. Командир также выглядел безгрешным, но не столь одиозным, как Мао [5, л. 5]. «Будет не очень хорошо, если Мао продолжит работать [в корпусе]» [3, с. 47], - подытожил Чэнь. Чжоу Эньлай, однако, не стал разбираться, кто из них прав, а кто нет. Ему, как никому другому, было известно о тех симпатиях, которые вдруг начали питать в Москве к двум «народным вождям», и особенно к Мао Цзэдуну.

Не ожидая ничего другого, кроме сурового разноса за «сумятицу» в корпусе, Чэнь И услышал от Чжоу Эньлая (совсем недавно, к примеру, называвшего Мао «бандитом» и «военным оппортунистом») столь высокую оценку проделанного товарищами по оружию, что не сразу понял смысла сказанного. «Такого нет во всем Китае! - восклицал Чжоу. - Вы должны знать, что сейчас Красная армия Чжу-Мао оказывает гораздо большее политическое влияние на весь Китай, чем на какую-то там западную Фуцзянь! Четвертый корпус Красной армии замечательный! Чжу и Мао замечательные!» [Там же, с. 48].

Дабы навсегда устранить «организационные причины» возникновения новых склок в отдельно взятом «замечательном корпусе» и Красной армии в целом, появилось на свет известное «Директивное письмо ЦК КПК фронтовому комитету 4-го корпуса» от 28 сентября 1929 г. («Сентябрьское письмо»).

В документе подчеркивалось, что «партия (читай: Мао Цзэдун) в руководстве военными делами должна проводить политическую линию, но не вмешиваться в непосредственное управление войсками», политический лидер не может подменять собой выборные партийные органы и «насаждать патриархат»; «все партийное влияние сосредоточить в руководящих органах фронтового комитета». Основной ошибкой командно-политического состава 4-го корпуса (имеются в виду Чжу Дэ и Чэнь И) в «Сентябрьском письме» признан «ультрадемократизм»

(практика проведения расширенных заседаний фронткома и партийных конференций, призывы к общим дискуссиям и т.п.), способствовавший «выходу разногласий среди руководителей в массы» и, как следствие, приведший к «подрыву авторитета фронткома, командира корпуса и партпредставителя» [8, с. 39-40].

В конце ноября 1929 г., сразу после возвращения Чэнь И в корпус, Мао Цзэдун напишет в Шанхай: «Иду на поправку. Работаю во фронткоме, как указал ЦК. Благодаря правильному руководству со стороны ЦК проблем, связанных со сплоченностью в армии, больше не возникает» [6, с. 39]. Разумеется, какие теперь могли быть проблемы, если Чжоу Эньлай и Ли Лисань, многозначительно закатывая глаза и кивая не иначе как в сторону Москвы, просто умоляли Чэнь И «вернуть Мао к руководству фронтовым комитетом» и обеспечить его «безусловное политическое руководство»?!

Мао Цзэдуну Письмо ЦК и решения последовавшей за ним партконференции корпуса (принявшей директивы Центра к руководству) грели душу на протяжении десятилетий. Даже на закате жизни Председатель не забывал подчеркивать их «великое историческое значение». Чжу Дэ хорошо понимал почему.

Список литературы

1. **Гу Цзэсюй.** Чжу Дэ бьечжуань: юй Мао Цзэдун дэ энэнь юаньюань [Другая биография Чжу Дэ: с милостью и ненавистью Мао Цзэдуна]. Сянган, 2010.
2. **Гун Чу.** Цаньцзя чжунгун учжуан доучжэн цзиши [Записки об участии в вооруженной борьбе КПК] // Минбао. 1972. № 3. С. 98-104.
3. **Гэньчжэ Мао Цзэдун да Тянься** [Вместе с Мао Цзэдуном к завоеванию Поднебесной]. Чанша, 2009. Т. 1.
4. **Российский государственный архив социально-политической истории** (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 225. Д. 140. Т. 1.
5. **Там же.** Ф. 514. Оп. 1. Д. 504.
6. **Хуан Шаоюнь.** Чжоу Эньлай хуацзе «Чжу Мао фэньци» [Чжоу Эньлай разрешает «разногласия между Чжу и Мао»] // Байнянь чао. 2002. № 7. С. 34-40.
7. **Чжао Цзин.** Хунцзюнь цзяньцзюнь юаньцзэ дэ да чжэнлунь юй гутянь хуэйи дэ чжаокай [Споры вокруг принципов военного строительства в Красной армии и созыв гутяньской конференции] // Цзюньши лиши. 1999. № 4. С. 20-25.
8. **Чжоу Эньлай сюаньцзи** [Избранные произведения Чжоу Эньлая]. Пекин, 1980. Т. 1.
9. **Чжу Дэ сюаньцзи** [Избранные произведения Чжу Дэ]. Пекин, 1983.

CONFLICT BETWEEN ZHU DE AND MAO ZEDONG (1928-1929)

Igor' Evgen'evich Pozhilov, Ph. D. in History

Department of General History

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

pozhilov1@yandex.ru

During more than one and a half year after the meeting of Zhu De with Mao Zedong in Jinggangshan in the 4th corps of Chinese Red Army behind its appreciable achievements concerning Soviet rule establishment in the country there smoldered glaring contradiction between the two leaders which periodically acquired quite undisguised form. The basis of "clashes" has different reasons - political, military and personal ones. Interweaving with each other they nevertheless reflected one of the most important contradictions which consisted in very different approaches of the commander and the commissar to the party principles of troops management, to struggle strategy and tactics and, at last, to democracy which Zhu De always adhered.

Key words and phrases: China Red Army; 4th corps; military command; party leadership; Zhu De; Mao Zedong.

УДК 316.723+371(075.3+075.8)

В статье рассматривается история исследований детской субкультуры - автономного мира детей, воспроизводящего, сохраняющего и созидającego духовное пространство, трансформирующегося в зависимости от происходящих в окружающем мире социально-культурных изменений. Основное внимание автор уделяет описанию понятийной системы содержания детской субкультуры.

Ключевые слова и фразы: мир детства; социальный феномен; детская субкультура; бытие ребенка; детское сообщество; мироосознание; мироощущение; миропонимание; мировидение; понятийный аппарат.

Татьяна Дмитриевна Попкова, к. филос. н.

Кафедра социальной работы

Пермский государственный университет

tatyana3@mail.ru

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ[©]

Проблемы, связанные с изучением мира детства, по мнению многих современных исследователей, являются важными для многих гуманитарных наук: психологии, педагогики, социологии, культурологии, философии, антропологии и др.